

мую, вы внезапно переключаетесь на наличные. Новые экономические сторонники охраны природы думают, что они являются рациональными, я думаю, они относятся к Матери-Природе как к публичному дому. (...) Я верю, что классическая экономическая теория и все теории, которые она предполагает, разрушают волшебное кольцо жизни”.

И последнее. Опора на экономические расчеты в оценке природы очень опасна в идеологическом плане, ибо лишает природоохранников веских моральных и религиозных аргументов. Из природоохранников они незаметно

превращаются в “природопользователей” с их убогой и скучной рыночной философией. Итог этому может быть только один: природоохранные органы расформируются и передаются в ресурсные министерства. Что, собственно, и произошло в России (и чуть было не случилось в Украине) летом 2000 года. Опора на экономические аргументы в природоохранной идеологии в конечном итоге приводит к поражению, ибо заставляет защитников дикой природы приспособлять свои взгляды и действия к мировоззрению и поступкам потребительски-циничного большинства.

Охрана природы и религия: от науки к утопии?

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев

e-mail: vitality@aquila.freenet.kiev.ua; vgrishchenko@mail.ru

I

Еще совсем недавно на вопрос “Кто первый природоохранник у нас в стране” даже октябренок спросонок ответил бы не задумываясь: “Дедушка Ленин”. И труды, и биография основателя “первого в мире государства рабочих и крестьян” были “процежены” самым дотошным образом. Из них выудили все, имеющее хоть какое-нибудь отношение к охране природы. Десятилетия нам рассказывали, что Ленин и заповедники создавал, и леса охранял, и дичь оберегал. Потом оказалось, что все это в значительной степени мифы, а он был весьма жестоким не только по отношению к людям, но и на охоте...

Цвета флагов поменялись, а с ними и приоритеты. Теперь столь же усердно штудируются тексты священных книг различных религий в поисках подходящих цитат. На смену “природоохранной лениниане” пришла “природоохранная религиана”. Причина всей

этой бурной деятельности проста и понятна — это стремление освятить охрану природы высшими авторитетами. Желательно при этом не переходить границы здравого смысла.

Должен, правда, отметить, что священные книги, например, Библия, еще более многоплановы и противоречивы, чем труды классиков марксизма-ленинизма. При умелом манипулировании цитатами, особенно выдернутыми из контекста, можно подвести “теоретический базис” под диаметрально противоположные вещи. Тем более, что даже одни и те же цитаты можно по-разному трактовать. Так что ценность таких “обоснований” для здравомыслящего человека достаточно сомнительна.

Однако скептики скептиками, а религия имеет огромное воздействие на людей во всем мире. Естественно, это должно учитываться и использоваться в природоохранной деятельности. Так что, если кто-то хочет попробовать себя

на поприще “природоохранной теологии” — флаг ему в руки и Бог в помощь. Я ничего против не имею. И да простят меня коллеги за прозвучавшую выше иронию.

Но я не могу согласиться с тем, что религия провозглашается главной движущей силой охраны природы и тем более противопоставляется науке. Без науки охрана природы вообще невозможна, это просто смешно слышать. Религия дает лишь мотивацию, но нужно еще знать, *что и как* делать.

Сегодня любой более или менее культурный человек моет руки перед едой, чистит зубы, моет овощи и фрукты, прожаривает или проваривает мясо и рыбу, не станет хвататься за оголенный электрический провод и т. п. И делает он это вовсе не из-за религиозных предписаний. Просто он *знает*, что это важно для его здоровья. Религиозные же бытовые установки являются как правило лишь данью традициям (например, запрет на употребление свинины в исламе и иудаизме), рациональное зерно в них найти сложно. Жесткая религиозная регламентация повседневной деятельности была важна в далеком прошлом, когда об уровне образования подавляющей части населения говорить просто не приходилось, и она в определенной степени помогла человеку выжить.

II

Д.Н. Кавтарадзе и А.А. Овсянников (1999) почему-то только материалистическому мировоззрению приписывают представления о том, что “человек — царь природы”, “природа — ресурс” и т. п. А что в христианстве такого нет? Не из христианства ли взята сама идея о “царе”? По христианскому вероучению ведь Бог создал человека “по образу и подобию своему” и поставил его управлять миром. Скорее права Л. Уайт (1990), считающая, что корень современного экологического кризиса кроет-

ся в христианском антропоцентризме. Но и с ее выводами нельзя согласиться безоговорочно. Все было бы просто, если бы в “вотчине” других религий состояние природы было принципиально иным, но этого мы не видим.

Возьмем индуизм и буддизм. Европейцы часто восторгаются буренкой, спокойно лежащей посреди оживленной автострады в Индии. Но дикой природе-то от этого не легче. Стремительно растущее население (уже перевалившее за миллиард) надо чем-то кормить. То, что значительная часть его придерживается вегетарианства и соблюдает другие религиозные табу в питании, только усугубляет ситуацию, поскольку уменьшается разнообразие возможных источников пищи. Приходится все время увеличивать площадь возделываемых земель, все больше вбухивать в почву удобрений и пестицидов. В итоге площадь более или менее нетронутых участков природы все уменьшается, загрязнение почвы, водоемов, атмосферы все увеличивается. Правоверные индуисты по-прежнему считают священный Ганг чистым, хотя он давно уже является одной из наиболее грязных рек в мире. Священные коровы могут ходить где им хочется и есть что им хочется. Это ни в коей мере не способствует охране редких видов растений и животных.

Да, в Индии и ряде соседних стран есть немало священных рощ и других природных объектов, где многие животные и растения находят свои последние убежища. Многие, но не все. Уже практически исчез азиатский гепард, азиатский лев остался только в одном месте — в национальном парке “Гирский лес”. Причем для спасения львов пришлось выселить из национального парка часть населения, содержавшего огромное количество скота (Соколов, 1986). В странах с преимущественно индуистским и буддистским населением только среди млекопитаю-

щих под угрозой исчезновения оказались малайский медведь, индийская кошка, китайский, бенгальский и индокитайский тигры, олени барасинга, хангул, шоу, лира, тайландский, индокитайский, два подвида пятнистого оленя, мунтжак Феа, быки гаур и купрей, дикий як, индийский кулан и многие другие виды и подвиды. Главные причины их катастрофического положения — истребление человеком и разрушение мест обитания (Фишер и др., 1976; Соколов, 1986). Остается констатировать вслед за Б. Гржимеком: “Для диких животных места нет”.

Немало способствует истреблению животных также китайская и тибетская медицина, традиционно использующая для своих снадобий змей, панты, рога носорогов, многие виды растений и т. п. Как же быть с пресловутым принципом ахимсы? В 1929 г. в Китае панты южнокитайского пятнистого оленя стоили от 40 до 70 фунтов стерлингов (Фишер и др., 1976). Такие цены в нищей разоренной войной стране способны смести любые религиозные запреты. Увы, всегда находится подонок, для которого полный кошелек важнее чистой совести. Напомню, что во многих мусульманских странах за распространение наркотиков полагается смертная казнь, причем нередко публичная. Но искоренить это зло не удастся.

На что уж верен традициям Тибет, но и тут не все благополучно. На священных территориях дикие животные могут пока чувствовать себя спокойно, но не за их пределами. Кианги (тибетский подвид кулана) в Тибете почитаются не меньше, чем коровы в Индии, но вне священных территорий пастухи-тибетцы уничтожают их как конкурентов домашнего скота (Паклина, ван Орден, 2000). Причем религиозные табу еще усугубляют ситуацию. Поскольку мясо киангов в пищу не употребляется, приходится разводить еще больше скота, а значит истреблять и боль-

ше диких копытных, чтобы освободить пастбища. Бессмысленный порочный круг...

Как видим, в столь любимой экотеологами Юго-Восточной Азии религия лишь смягчила удар человека по природе, но не предотвратила его. Причем ситуация с редкими видами точно такая же, как и в других частях земного шара. В чем-то даже хуже, поскольку численность населения огромна, а денег на охрану природы нет. Точно так же прямому преследованию в первую очередь подвергаются животные, представляющие либо экономический интерес, либо угрозу для человека. То есть, проблема не в религии, проблема в самом человеке.

Я бы не стал проливать много слез умиления и по поводу знаменитого принципа ахимсы — ненасилия по отношению к другим живым существам. Он биоцентричен, но не эоцентричен. Эоцентризм ставит интересы сообщества выше интересов одной особи. Ахимса при определенных обстоятельствах может стать и серьезным препятствием в охране дикой природы. Если домашние и полудомашние животные в стране размножатся сверх всякой меры, а численность их нельзя отрегулировать из-за религиозных табу, то диким животным будет просто негде жить и нечего есть, пусть даже их никто и пальцем не тронет. Не обязательно убивать животное напрямую, можно лишить его пищи и пристанища. По-моему, это еще хуже.

Принцип ахимсы доведен до крайности в джайнизме. Но пресловутое процеживание воды перед питьем — наивность с точки зрения биологии. Есть множество живых существ, которых нельзя удалить из воды никаким процеживанием. С точки зрения экологии это — вообще нонсенс. Экосистеме ни жарко, ни холодно от того, что кто-то проглотит на одну инфузорию больше. В данном случае человек забо-

тится прежде всего о себе — не причиняя вреда другим живым существам он стремится спасти свою душу. Но в охране природы не совершать зла мало, нужно еще и делать добро. А это не всегда можно совместить с ахимсой. Как быть, например, в том случае, если для спасения умирающего от голода птенца нужно накормить его гусеницами?

Боюсь, что “экологичность” восточных религий не более, чем очередной миф, пущенный в обиход западными экофилософами. Поскольку “нет пророка в своем отечестве”, приходится искать его в дальних странах. А Восток для человека западной культуры всегда был покрыт тонким флером таинственности. Любая религия — это целый комплекс: философское учение, обряды, этические нормы и т. д. И не нужно из этого сложного клубка выдергивать отдельные понравившиеся нити. Вряд ли кто-то из европейских природоохранников захочет принимать, например, индуизм с его жестким делением на касты. Основа вероучения буддизма — прекращение страданий через полный отказ от желаний. Можно ли охранять природу без желания чего-то достичь? Этика буддизма учит непротивлению злу, невмешательству в мирскую жизнь. Грубо говоря, ортодоксальному буддисту наплевать, что делается вокруг него, он занят самосовершенствованием. Или может быть природоохранники будут призывать своих политиков к бездеятельности, как тому учит конфуцианство и даосизм? Главная проблема восточных религий в плане охраны природы — их пассивность и созерцательность. Пусть рухнет мир, я занимаюсь спасением самого себя. Это эгоцентризм?

Я вообще сомневаюсь, что какая-либо религия может быть эгоцентричной. Это социальный институт. В центре каждой из них так или иначе находится человек. Цель религии — спасение

человека или его души. Только пути к этому предлагаются разные.

Любовь ко всему живому тоже еще не означает автоматически блага для дикой природы. Любовь, не подкрепленная знанием, — это именно тот случай, когда благими намерениями выстлана дорога в ад. Нежно любя свое чадо, мать может отказаться делать прививки, чтобы не доставлять ему лишних неприятных минут. Но если она знает, к чему это может привести, то сделает их. Именно из любви к ребенку. На протяжении нескольких веков в самых разных странах проводилось широкомасштабное истребление четвероногих и пернатых хищников. Одной из мотиваций этой бойни была как раз ложно понятая любовь — стремление защитить “бедных” зверюшек и птичек, страдающих от кровожадных тварей. Почему-то нынешние историки охраны природы “кроют” таких “любителей” вдоль и поперек.

Для дикой природы вообще наиболее важным является уменьшение антропогенной нагрузки на экосистемы. Один из путей к этому — повышение разнообразия использования природных ресурсов. Классический пример — саванны Африки. Если здесь разводить одних коров или овец, понадобится пустить под пастбища гораздо большие территории, чем при использовании мяса диких копытных. Они более полно потребляют растительность и не приводят к опустошению местности. То есть, убивая диких животных, мы тем самым совершаем благо для дикой природы — сохраняется больше нетронутых участков, да и для самих копытных останет дикая природа будет сведена на нет. Подобные “экологические фермы” уже появились в Восточной Африке. Благо, здесь есть еще и мощный стимул для этого в виде мухи цеце. С точки зрения многих религиозных и этических систем такой подход неприемлем,

но предлагаемый ими путь еще усугубляет проблемы дикой природы. Вопрос: что лучше — дать реальный шанс дикой природе пусть даже с ущербом для своего религиозного мироощущения или же заботиться только о благополучии своей души ценой гибели природы? Жизнь — достаточно сложная штука и поиск простых и шаблонных решений на все случаи — дело неблагоприятное.

III

Хорошей параллелью с охраной природы является здравоохранение. Просто в первом случае речь идет о “здоровье” гораздо более сложной системы, чем организм человека. Что, в свою очередь, предполагает необходимость и более высокого уровня знаний.

Так вот, во время катастрофических эпидемий чумы в средневековой Европе не очень-то помогли молитвы, церковные шествия, сжигание ведьм и другие подобные средства. Чума не щадила ни крестьян, ни королей, ни иерархов церкви. Для того чтобы справиться с ней, нужно было просто понять, как она распространяется и построить в городах элементарную канализацию. Подобно этому не религия, а развитие медицины помогло обуздать холеру, тиф, оспу, цингу и другие опасные болезни*, уменьшить детскую смертность и продлить жизнь человека. Религия же часто была противником развития здравоохранения. Тут можно вспомнить многое: и то, как был сожжен испанский врач Мигель Сервет (даже не католиками, кстати, а

кальвинистами), и то как церковь противилась первым прививкам против оспы.

Есть немало научных достижений, претендующих на звание “открытие XX века”, но одним из наиболее важных для человечества, несомненно, является открытие антибиотиков. Во время I мировой войны, например, от сепсиса после ранений погибло больше людей, чем на полях сражений. Молитвы, иконы, святая вода и прочие “чудодейственные” средства, увы, не помогали. Как не помогли русской армии победить японцев эшелоны икон, которые приходили на фронт вместо боеприпасов.

Религиозные каноны не очень-то способствуют и охране природы. Например, ее успех в конечном счете невозможен без обуздания демографического взрыва, но именно религиозные организации являются главными противниками регуляции роста народонаселения. Причем выступают они не только против абортотворения, но и элементарных противозачаточных средств.

IV

Предлагаемый “религиозный” путь охраны природы мог бы быть успешным разве что среди первобытных людей. Но за тысячи лет изменился не только быт человека, но и его менталитет. Для древнего язычника нарушение сакрального табу было личной катастрофой. Многие даже умирали от одного осознания того, что они преступили запрет. Дж. Фрэйзер (1980) приводит много примеров этого. А. Швейцер, работавший врачом в Габоне, рассказывал о таком случае: молодой и здоровый африканец умер в госпитале из-за паралича дыхания только потому, что сядя в пирогу, случайно раздавил паука, считавшегося тотемом его племени (Заянчковский, 1991). Религиозные запреты были четкими и однозначными, как для нас сунуть пальцы в розетку.

* Мне могут возразить, что появились другие, ничуть не лучше, СПИД, например. Так они будут появляться всегда — об этом говорит экологическая наука. Есть закон постоянства экологических ниш, который можно сформулировать так: “Свято место пусто не бывает”. Просто на обуздание очередного “подарка” нужно время.

Но даже в древности более близкие к природе религии не помешали человеку уничтожить многие виды животных, сводить леса на огромных территориях и плодить пустыни. Это хорошо показал еще Жан Дорст (1968). “В деградации обширнейших районов мира, и главным образом большей части Средиземноморья и Ближнего Востока, произошедшей задолго до наступления промышленной цивилизации, повинны скотоводы”, — писал он. “Кочевник является не столько сыном пустыни, сколько ее отцом”, — утверждал Рейфенберг (цит. по: Дорст, 1968). Посмотрите на карту: пустыни сейчас простираются на месте многих древнейших очагов цивилизации — в Северной Африке, Палестине, Месопотамии. И не только изменения климата тому виной.

Пролетая над восточной частью полуострова Малая Азия, я был поражен унылой картиной — на большом протяжении под крылом самолета тянулись однообразно безжизненные бурые холмы. А ведь здесь когда-то процветали древнейшие земледельческие культуры, Чатал-Хююк, например (VIII–VII тыс. до н. э.). Земля буквально истекла молоком и медом. Охотникам не нужно было долго гоняться за добычей, ее везде хватало. Некоторые ученые даже склонны считать богатейшую природу Ближнего Востока в древности прообразом садов Эдема (Николаев, 1999). Где это все? Получается, человека никто не изгнал из рая, он сам его опустошил и испоганил.

Склоны Ливанских гор так и остались голыми после сведения кедровых лесов. Немало кедров, между прочим, ушло на постройку знаменитого храма царя Соломона. Вот что писал об этом И. Ефремов в “Таис Афинской”: “Уничтожить колоссальное дерево казалась [размышления Таис — **В.Г.**] посягательством человека на святые

права Геи, кормилицы всеприносящей. Несомненно, это должно караться особой немилостью матери-Земли. Здесь наказание проявилось в бесчисленных грядках выжженных солнцем хребтов, раскаленные камни которых днем и ночью источали душный жар” (Ефремов, 1976). Такими они пребывают и по сей день. Сделано все это было за сотни лет до появления “христианского антропоцентризма”.

Можно копнуть еще глубже. Широкому распространению саванн в Африке и прерий в Северной Америке способствовали древние охотники, выжигая леса. “Даже первобытный человек своей деятельностью мог наложить отпечаток на целый континент”, — делает вывод Ж. Дорст (1968).

Для современного же человека религиозные предписания уже являются в значительной степени условностью. Вообще вид *Homo sapiens* проявил чудеса приспособляемости. Причем в отличие от других биологических видов он научился не только приспособливаться сам, но и приспособлять под себя все окружающее. Включая и религию.

Христианству уже без малого две тысячи лет, а знаменитые заповеди: “не убий” и “не укради” прозвучали еще раньше. Что, с распространением христианства по всему миру перестали убивать или грабить? Да как раз наоборот. Религия дала новый прекрасный повод для этого — иная вера человека.

Посягать на имущество соседа нехорошо, но если ты “добропорядочный” католик, а он — гугенот, значит все простится. Во время резни в Варфоломеевскую ночь разве что кучка отпетых фанатиков преследовала религиозную цель — борьба за “истинную” веру. Для королевского же двора и приближенных вельмож было важно уничтожить политических соперников. Для толпы парижан это вообще было прекрасным поводом пополнить коше-

лек, разделаться с недругами да и просто поразвлечься. Облава на людей ничуть не хуже охоты на оленей или кабанов. То же самое относится и к крестовым походам. “Гроб Господень” служил лишь благовидным предлогом. Это были походы за славой и богатством. Поведение европейских рыцарей было далеко не рыцарским. Орден тамплиеров, разжиревший во время крестовых походов, был в средневековой Европе одной из наиболее богатых и могущественных организаций (что его и погубило, в конце концов). Во время войны с “неверными” крестоносцы захватили и вполне христианский город Константинополь. И если о делах на Ближнем Востоке у нас мало известно, то Тевтонский орден Девы Марии знаком славянам и балтам не понаслышке.

Арабы и славяне смогли отбиться от непрошенных гостей, но этого не удалось сделать коренным народам Америки, Африки, значительной части Азии и тем более Австралии. Не будем забывать, что конкистадоры шли не только с мечом, но и с крестом. На протяжении веков христианская Европа высасывала соки из поработанных народов, опустившись до поголовного истребления целых племен и работорговли. Европейцы охотно говорили о любви к ближнему в церкви, но не спешили применять эту заповедь на практике. Что хоть немного поддерживало моральный авторитет христианства в колониях, так это подвижническая деятельность отдельных миссионеров. Но они, увы, были бессильны остановить ни грабеж, ни убийства, ни работорговлю.

Среди переселенцев, которые массово повалили в Северную Америку с XVII века, было много представителей различных протестантских течений, которые подвергались преследованиям на родине (самыми первыми на знамени — “Мэйфлауэре” в 1620 г. прибыли “отцы-пилигримы”). Они весьма ревностно следили за соблюдением Божь-

их заповедей, но это не касалось “дикарей”. Именно с пуритан-пилигримов берет начало истребление индейцев. Вскоре европейцы додумались как переложить эту грязную работу хоть частично на плечи самих краснокожих. Они не только давали индейцам оружие и натравливали племена друг на друга, но и стали платить за скальпы. Первоначально обычай снимать скальп встречался лишь у нескольких племен. Считалось, что с волосами победитель забирает и жизненную силу поверженного противника (Stingl, 1963). “Желтый дьявол”, однако, сделал свое дело и обычай этот быстро распространился на огромной территории.

Это “дела давно минувших дней”? Можем перейти к более близкой истории. Именно христианские страны развязали в XX веке две мировые войны. Именно христиане “угостили ближнего” атомной бомбой. Все это при том, что “не убий” является одной из важнейших заповедей христианства. Именно христианские страны занимают сегодня лидирующие позиции в торговле оружием, хотя все прекрасно понимают, зачем оно покупается.

Должен с сожалением констатировать, что всегда в истории человечества, когда появлялась насущная потребность отступить от выполнения религиозных заповедей, находились причины и обоснования, почему нужно и можно это сделать. Религиозные и завоевательные войны, геноцид, инквизиция — примерам несть числа. Гитлеровцы ведь тоже считали, что “с ними Бог”. Вспомним народное восстание в Центральной Украине в 1768 г. — Коливищину. Хорошо известен эпизод, когда повстанцы освятили ножи в Мотронинском монастыре в Холодном яру. Я все понимаю — и народный гнев, и желание заранее списать свои грехи. Но я не понимаю священника, который освящает орудие убийства. Можно хоть Бога не впутывать в свои кровавые рас-

при... Мне могут возразить, что людей просто довели до этого, что православная церковь в Украине также вынуждена была бороться за свое существование. Но и я о том же — когда припечет, всегда находится причина, по которой можно отступить от выполнения неприемлемых в данный момент предписаний. Много ли войн смогла предотвратить христианская церковь? Совсем свежий пример — бомбардировка Югославии.

Переведем дух. Копание в гнойных ранах — дело неприятное, но если хочешь их залечить — приходится это делать. Пусть простят меня верующие — я не собираюсь нападать на церковь, этот анализ важен для того, чтобы обосновать выводы, о которых будет идти речь ниже. А что касается истории, то у Иоанна Павла II уже достало мужества признать, что католическая церковь была не всегда права в прошлом. Эта статья вообще-то об охране природы. Но поскольку многие природоохранники считают, что религия — панацея от всех бед с этой сфере, я вынужден пуститься в это плавание по волнам религиозных течений, чтобы понять, можно ли с ними согласиться.

По Корану считается преступным давать деньги в рост. Тем не менее, это не мешает существованию банков в мусульманских странах. Просто они получают не процент от кредита, а долю от прибыли. Люди смогли приспособить для своих целей и непреложные установки Пророка. Религиозные представления о белом аисте как душе мусульманина не очень-то мешают охотиться на него. Наибольшее количество аистов гибнет именно в мусульманских странах — Сирии, Ливане, Египте, Судане. Причем во многих местах на них охотятся не только местные жители, но и приезжие богатые арабы (Schulz, 1988). В ортодоксальном исламе охо-

та вообще рассматривается как небогоугодное дело. Так, в Бухарском ханстве охота с ловчими птицами для должностного лица считалась по шарияту занятием недостойным и греховным и была возможна лишь с разрешения высокопоставленного духовного лица (Симаков, 1998). Но вельможи преспокойно получали эти разрешения и охотились. Ни для кого не секрет, что и сейчас основными покупателями ловчих соколов являются богатые арабские шейхи.

Буддизм исповедует ненасилие, непричинение зла живым существам. Но, увы, буддистские монахи-фанатики участвовали и в политических терактах, и в уличных беспорядках.

Знаменательно, что коррида — далеко не самое гуманное и этическое развлечение — практикуется в одной из наиболее религиозных стран Европы. В не менее религиозной Италии процветает с позволения сказать “охота” на мелких воробьиных птиц. Любые доводы природоохранников отменяются тем, что это традиции местного населения. В той же Италии белый аист, любимец всей Европы, перестал гнездиться еще в XVII в. из-за преследования человеком (Brichetti, 1982). Случилось это, как видим, не в наши дни, когда такое отношение к птице можно списать на “охлаждение в вере”, а еще в то время, когда “охладевших” подогревали на кострах.

Печальный вывод. Подавляющее большинство религий призывают к миру, добру, справедливости. Но все благочестие заканчивается, как только дело доходит до распределения материальных благ, в лучшем случае его хватает на себе подобных *. Ведь многочисленные расколы и в христианстве,

* Можно возразить, что были и праведники, строго соблюдавшие заповеди, несмотря ни на что. Да, но их было мало и, к сожалению, не они “делали погоду”.

и в исламе, и в других религиях были обусловлены прежде всего борьбой за сферы влияния. Идеологическая подоплека вторична по отношению к этому. Религиозные установки отодвигались вообще на второй план, как только они начинали противоречить коренным интересам общества. Человек мог просто сменить религию, когда она переставала его устраивать. Мировые религии быстро вытеснили локальные культы не в последнюю очередь потому, что они больше подходили верхушке развивающегося общества, лучше помогали удерживать подчиненных в повиновении. Часто новые религии вообще насильно насаждались сверху, вспомните хотя бы историю крещения Руси. Многие представители коренных народов Америки и Африки объясняли свой переход в христианство тем, что “бог белых людей” оказался сильнее их племенных богов. Когда установки католицизма пришли в противоречие с развитием экономики, появился протестантизм — религия капитализма.

Борьбой за влияние на людей, а значит и доходы, объясняется и многовековая война церкви с наукой. Христианство учит терпению, смирению, любви, но святые отцы предпочитали не “подставлять другую щеку”, а уничтожать оппонентов, покусившихся на их власть над миром. В этом году исполнилось 400 лет со дня убийства инквизиторами одного из крупнейших мыслителей эпохи Возрождения Джордано Бруно. Наверное трудно найти более или менее образованного человека, который бы не знал этого имени, но мало кому известно, что сожгли его не только и не столько за философское учение. С этим церковь еще могла бы смириться, но Джордано Бруно покусился на святая святых — он потребовал отобрать доходы у монастырей.

Никакая религия не смогла остановить неуклонное развитие техниче-

ско прогресса и возрастающее господство человека над природой. Связано это прежде всего с тем, что никакой религии не удалось изменить природу самого человека. В каждый биологический вид Создателем* заложено стремление к неудержимой экспансии. У природы есть эффективные регуляторные механизмы, позволяющие удерживать эту экспансию в определенных рамках. Человек сумел ослабить действие этих механизмов, прежде всего за счет того, что научился не только приспосабливаться к среде обитания, но и создавать ее искусственно. Преобразование природы зашло слишком далеко, и человеку необходимо разумное самоограничение. Но преодолеть “видовой эгоизм” не так-то просто.

Заповеди “не убий” есть в той или иной форме в очень многих религиозных учениях. Однако победить природную агрессивность человека пока еще никому не удалось (я имею в виду не отдельных людей, разумеется). Можно считать даже, что она возрастает, поскольку число жертв сейчас неизмеримо больше, чем в древности. Объяснить это можно чисто биологическими закономерностями: численность вида *Homo sapiens* давно переросла все разумные пределы и в действие включились природные регуляторные механизмы. Об этом прекрасно сказал Конрад Лоренц в своей знаменитой книге “Агрессия (так называемое “зло”): человек не потому агрессивен, что разделено на враждующие группировки, как раз наоборот, оно структурировано таким образом именно в связи с тем, что это дает выход социальной агрессии. Это же отмечает и В.Р. Дольник: “Сигнал “тут кто-то лишний” [сигнальный фактор среды, косвенно указывающий виду на избыточность его

* Понимайте в данном случае этот термин каждый по своей вере: Богом, эволюцией — не суть важно.

численности — В.Г.] запускает имеющуюся почти у всех видов и служащую многим целям программу “найди своих и отделись от чужих; вместе со своими прогони чужих”. <...> В благополучной обстановке люди обычно относятся к “ненашим” мирно, часто проявляют интерес, а иногда и симпатии, гостеприимство. Но соберите детей в школу — и через несколько дней одноклассники — свои, а параллельный класс — чужие. Скучьте их, собрав из нескольких городов, в летнем лагере или (более старших) в казарме — и они тотчас разделятся по признаку землячества, о котором вчера еще и не думали. Распадутся на “своих” и “чужих” мы можем по расам, национальности, языку, религии, классам, занятию, взглядам, цвету волос, одежде — все годится, только скучьте нас, лишите благополучия. Группа или популяция вскипает неприязнью к “чужим”, может проснуться ненависть, проявиться неслыханная жестокость” (Дольник, 1992).

К чему я веду? А к тому, что разум, знание могут быть более эффективными ограничителями “видового эгоизма”, деструктивной деятельности человека. Не религия предотвратила развязывание третьей мировой войны в XX веке, ставшей бы термоядерной. Просто человечество *поняло*, что она может закончиться всеобщей гибелью. Нарисованная учеными картина “ядерной зимы” оказалась страшнее полотна со страшным судом. Ядерные страны предпочли показывать свои “дубинки” издали, но не пускать их в ход. Убийство миллионов, как известно, не преступление, а политика. И любой политик найдет множество доводов, почему он в данный момент не может выполнить Божьи заповеди *. А вообще он, конечно, за. Он ходит в церковь

(мечеть, синагогу), молится Богу, читает священные книги. Может быть даже членом христианской (исламской, иудейской) партии.

Ни индуизм, ни какая-либо другая религия не помешали Индии обзавестись ядерным оружием. Как его совместить с принципом ахимсы? Политические интересы, как обычно, оказались сильнее любых вероучений. А коров в Индии по-прежнему не трогают...

Многие страны сейчас идут на существенные ограничения в хозяйственной деятельности, осознав, что глобальные изменения климата чреваты, мягко говоря, неприятностями.

Я ни в коей мере не собираюсь умалять роль религии в жизни общества. Повторю то, что сказал в начале этой статьи: она не может быть *главной* движущей силой в охране природы. Религия в данном случае может и должна содействовать науке.

Человечество должно пойти на существенные самоограничения, и важно это сделать *сознательно*. Воздействие через религию на подсознание, конечно, тоже немалая сила, но человек уже давно научился этим манипулировать, что я и попытался показать выше. Он найдет множество уловок или вообще другую веру, которая не требует от него таких жертв. Сделать сознательный выбор важно еще и потому, что самоограничение должно базироваться на накопленных знаниях. Оно должно быть, с одной стороны, приемлемым для человека, с другой — достаточным для природы. Никто не захочет возвращаться в пещеру, отказаться от автомобиля, телевизора, телефона, компьютера. Но вполне можно отказаться от производства оружия массового поражения, определенных химических веществ, разрушительных преобразований ландшафта и т. п. И чтобы эти жертвы не превратились в символические пожертвования, важно знать, что они дают природе. А для этого нужны не жрецы

* Ну как тут не вспомнить А. Галича:
“А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом”.

от природы, а квалифицированные экологи и кропотливые научные исследования.

V

В.Е. Борейко (1999, 2000) пишет о новой природоохранной религии, основанной “на почитании участков дикой природы как священных мест”. Идея эта благородна, но, увы, я не могу назвать ее конструктивной. Исходя из логики развития религий, можно ожидать, что со временем появится единая религия для всего человечества. Но вряд ли это произойдет в обозримом будущем, да и будет ли она менее антропоцентричной — еще большой вопрос.

Есть целый ряд проблем, разрешить которые не так просто.

Первое. Уже существующие религиозные организации не очень-то ладят и друг с другом, а уж появление нового “конкурента” и тем более не будет воспринято с восторгом. Так, в Украине есть три православные церкви, которые отличаются только своим подчинением. Договориться об объединении они никак не могут. Идет банальная, вполне мирская и греховная борьба за власть и деньги прихожан. Призывать к созданию новой религии можно в США, где мирно уживаются друг с другом едва ли не все существующие в мире верования. В бывшем же Советском Союзе, где традиционно сильны несколько религий, с этим будет гораздо сложнее.

Второе. Человек консервативен, особенно в вопросах религии. Это прежде всего традиция и важный элемент самоидентификации по принципу “свой — чужой”. Казалось бы, какая принципиальная разница как креститься — двумя пальцами или тремя, петь псалмы по-латыни или на родном языке? А за это люди шли на смерть. Давно ли у нас человека, сменившего вероисповедание, приравнивали к изменнику родины? В связи с этим я не ожидаю

большого числа желающих стать “неофитами” природоохранной религии. То есть, создать удастся лишь очередную экзотическую секту для узкого круга интеллектуалов, которая не будет иметь заметного влияния на общество. Так стоит ли огород городить?

В.Е. Борейко (2000) полагает, что *“Религия природоохраны ... может объединить как людей, исповедывающих ту или иную религию, так и атеистов, людей верующих и религиозных”*. Я лично сомневаюсь, что многие атеисты встанут под эти знамена, но с ними договориться как раз гораздо проще, чем с людьми, искренне верующими. Невозможно молиться двум богам сразу. Это утопия. Главные заповеди и иудаизма, и христианства, и ислама говорят о том, что Бог един и нельзя поклоняться кому-либо другому: “Не сотвори себе кумира”, “Нет бога, кроме Аллаха” и т. д.

Не могу согласиться со следующим положением: *“Религия природоохраны противостоит изучению дикой природы. Ибо то, что понято, большинство не ценит. Дикая природа должна оставаться неисследованной, чтобы вызывать чувство благоговения, почитания, священности. Ведь почитают то, что не понимают”* (Борейко, 2000). Ну, во-первых, последнее утверждение — вообще полная ерунда. Почитать и ценить, например, классическую музыку или живопись может лишь человек, который хоть немного в них разбирается. Для широкой же публики, не отягощенной лишними знаниями, более ценной является низкопробная “попса”. То же самое и в дикой природе. Если человек не разбирается, чем дуб отличается от березы, что он может оценить? Да он как минимум должен понимать, что такое дикая природа и чем лес отличается от парка. Подобно этому и в храме — надо хоть знать, где икона, а где кадило, и понимать, почему там столпилось так

много людей, вместо того чтобы погулять по свежему воздуху.

Интересно, как увязать процитированное выше теоретическое положение с практикой работы Киевского эколого-культурного центра — повышение престижа охраняемых природных объектов путем распространения определенной информации о них (см., например, статью В.Ф. Руденко в этом номере журнала)? Для того чтобы человек стремился сохранить вековой дуб, почитал его, он должен понимать, чем он ценен.

О противопоставлении религии науке речь будет идти ниже, но в данном контексте это звучит вообще кощунственно. Как можно что-либо охранять не изучая? Да банальная инвентаризация сохранившихся уголков дикой природы — это уже исследование. Далее по каким-либо критериям нужно определить участки, которые могут претендовать на роль “святылищ”. Это можно сделать без науки? Или они нам будут явлены путем откровения? Но просто оградить их и поклоняться — не получится. Даже древние храмы приходится время от времени реставрировать, чтобы спасти от разрушения, а живая природа устроена гораздо сложнее, чем кирпичная кладка. Увы, не получится объявить “святылищем дикой природы” целый континент и изгнать оттуда людей. А значит “святылищам” придется сосуществовать со вполне “мирскими” территориями и подвергаться “греховному” воздействию человека. И это сосуществование надо как-то оптимизировать, а нередко и компенсировать действие антропогенных факторов. Кусок древней доски со следами краски представляет интерес для историка или искусствоведа, но верующему человеку для молитвы нужна нормальная икона. То же самое и в дикой природе. Чудесный водопад, превратившийся в кучу камней только потому, что река ушла в другое русло,

уже не будет вызывать того ощущения святости. Во имя торжества философской идеи — сохранения участков природы непременно в “дикости”, т. е. без какого-либо вмешательства, — это вполне сойдет. Но чему поклоняться-то? Что будет вызывать иерофанию? Напомню, что речь идет о религии, а не просто охране дикой природы. Икона сгнила из-за нерадивого хранения. Давайте сначала определимся, что нам важнее — природа или абстрактные философские идеи?

Еще пример. Представим себе прекраснейшую горную долину с небесной синевы озерами, изумрудной зеленью альпийских лугов и молчаливым величием ледников на заднем плане. Мы ей поклоняемся, благоговеем и т. д. Но вот из-за глобального потепления климата (от которого не отгородиться никакими заборами) усиливается таяние этих самых ледников. Увеличивающийся сток горных ручьев и рек грозит затопить священную долину водой и селевыми потоками. Должны ли мы отвести эти воды во имя спасения священного места или же нужно оставить все на самотек (в буквальном смысле этого слова) во имя сохранения его “дикости”? Совместить поклонение конкретным природным объектам и сохранение природы в “дикости” удастся далеко не всегда. Природа не статична, а динамична.

В.Е. Борейко (2000) пишет, что “*религия природоохраны основана на спасении дикой природы*”. Ну, во-первых, охрана природы гораздо шире, чем просто спасение дикой природы. Во-вторых, почему нельзя поклоняться *посаженному* давным-давно величественному дубу, растущему в парке, или последнему представителю какого-нибудь животного вида *в клетке*? Если бы мне показали где-нибудь в зоопарке живого странствующего голубя, я бы встал перед ним на колени и попросил прощения за то, что человек сделал с его соро-

дичами. Поклоняться можно по-разному. Непременное условие дикости в данном случае вторично.

И почему чувство благоговения должно непременно вызывать то, что не исследовано? Да как раз наоборот, настоящее благоговение вызывают, например, “живые ископаемые” — латимерия и гаттерия. Именно потому, что мы знаем, что это осколки древней жизни. Мы ценим и почитаем участок девственной степи в Аскании-Нова как раз потому, что знаем, что здесь никогда не гулял плуг. Заросшая травой залежь не порождает таких чувств. Подобно этому благоговение вызывают древние храмы, именно потому что известен их возраст или связанные с ними исторические события. Например, то, что Десятинная церковь стала братской могилой для последних защитников Киева во время монголо-татарского нашествия. К новым постройкам, пусть даже грандиозным, отношение все-таки несколько иное. Одной из главных иудейских святынь является Стена Плача, именно потому, что все знают о том, что это остатки Иерусалимского храма. Кто стал бы поклоняться каменной стене неизвестного происхождения? Настоящие святыни еще нужно искать. А для этого нужны исследования.

Что касается охраны и благоговения, то тут возможен и противоположный подход. Я хочу привести слова Конрада Лоренца: *“...если сегодня основательно известны функции пищеварительного тракта и на основании этого медицина, особенно кишечная хирургия, ежегодно спасает жизнь тысячам людей, мы здесь обязаны исключительно тому счастливому обстоятельству, что работа этих органов ни в ком не вызывает особого почтения и благоговения. Если, с другой стороны, человечество в бессилии останавливается перед патологическим разложением своих социальных структур, если оно — с атомным оружием*

в руках — в социальном плане не умеет себя вести более разумно, нежели любой другой животный вид, это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что собственное поведение высокомерно переоценивается и как следствие исключается из числа природных явлений, которые можно изучать. Исследователи — воистину — совершенно не виноваты в том, что люди отказываются от самопознания” (цит. по: Шупер, 2000).

В.Е. Борейко сосредотачивается только на положительных сторонах религиозного мировосприятия, совершенно забывая об отрицательных. Это прежде всего догматизм и фанатизм. Я не хочу, чтобы поборники “зеленой” религии через какое-то время проповедовали замшелые обветшалые догмы, давно не соответствующие реальному положению вещей и представлениям о природе, которую они собираются охранять. Коммунисты уже пытались строить экономику по заповедям Маркса из прошлого века. Что из этого вышло — известно. Я не хочу, чтобы фанаты “природоохранной религии” громили храмы “иноверцев” или, разделившись на два непримиримых лагеря, цеплялись друг другу в волосы по поводу того, например, считать ли антропогенную лесостепь “дикой” природой. На что уж мирная религия индуизм, но посмотрите на взаимоотношения индуистов и мусульман на северо-западе Индии или индуистов и буддистов в Шри Ланке. И кто знает, было бы так много “эмигрантов” из христианства во всевозможные секты и “экзотические” восточные религии, если бы оно более толерантно относилось к попыткам реформирования явно устаревших положений? Ведь, например, у человека, знакомого хотя бы со школьным учебником, библейская хронология с сотворением мира семь с половиной тысяч лет назад вызывает как минимум недоумение. И не потому ли та-

кой успех имеют новые диссиденты *, к примеру, Александр Мень, что они пытаются приблизить религию к запросам сегодняшнего дня?

Я считаю, что вовсе нет необходимости связывать священность дикой природы с религией. Тем более, что природоохранная религия *“не предполагает присутствия в дикой природе божества, а только почитает ее как священную”* (Борейко, 2000). Для любого нормального человека священными являются такие понятия как мать, родина, любовь и т. д., но религия тут совершенно ни при чем. Лучше опираться на общечеловеческие ценности.

На протяжении десятков лет в бывшем СССР люди поклонялись памятникам погибшим в годы Великой Отечественной войны, ухаживали за братскими могилами как за святынями. И далеко не все делали это из религиозных побуждений. Просто память погибших за родину священна. Сегодня у одних и тех же памятников склоняют головы и православные, и католики, и мусульмане, и буддисты. Святынями являются и могилы многих выдающихся личностей. Есть области, в которых находят общий язык даже непримиримые друг к другу религии. Одной из них и должна стать охрана природы.

По моему мнению, нужно говорить не о новой религии, а о новой этической системе. Ее и создавать не надо, она уже есть. Это — эгоцентризм, базирующийся на *“Этике земли”* Олдо Леопольда. Основные его идеи изложены в прекрасной книге *“Календарь песчаного графства”* (Леопольд, 1983), которую я считаю настоящей *“библией”* природоохранника. Вот что пишет по этому поводу Б. Кэлликотт: *“... “Этика земли” Леопольда не основана на*

религиозных верованиях, она также не является расширением этической парадигмы классической западной моральной философии. Она скорее основана на эволюционной и экологической биологии. Следовательно, большинство неантропоцентрических природоохранных биологов вне зависимости от их религиозной или культурной подготовки находили “Этику земли” Леопольда интеллектуально близкой по духу” (Кэлликотт, 1999). Такая этическая система будет объединять людей по принципу их отношения к природе, вне зависимости от религиозных взглядов. В охране природы нам как никогда нужно единство и совершенно ни к чему межконфессиональные дрязги.

Вообще охрана природы — целый комплекс сложных и взаимосвязанных проблем. Для их разрешения очень важна свобода *сознательного* выбора. Вера же предполагает подчинение религиозным предписаниям без рассуждений. Надо ли говорить о том, что наши представления о протекании тех или иных природных процессов могут многократно меняться, соответственно этому приходится корректировать и свои действия. Религиозные же догматы остаются неизменными.

На примере эгоцентризма можно показать преимущества не религиозной этической системы. Б. Кэлликотт (1999) пишет, что некоторые положения *“Этики земли”* уже требуют пересмотра в связи с дальнейшим развитием экологии. Особых возражений это не вызывает, так и должно быть. Перефразируя известное изречение, можно сказать: *“Эгоцентризм — не догма, а руководство к действию”*. А попробуйте изменить, например, идущие из глубины тысячелетий представления о кошмарности у иудеев.

Я не отрицаю полностью идею *“религии природоохраны”*. Если кому-то хочется поклоняться диким местам — это его дело. Есть, в конце концов, такое понятие — *“свобода совести”*. Один

* Напомню, что слово это религиозного, а не *“политического”* происхождения. Диссидентами первоначально называли людей, несогласных с господствующей религиозной доктриной.

из главных устоев демократического устройства общества. Но эту идею еще нужно довести до ума — убрать многочисленные несуразности и противоречия. Однако если новая религия пойдет по пути многих других — признание своего учения единственно верным и отрицание науки, ничего хорошего из этого не получится. Не нужно уподобляться лидеру одной из ветвей протестантизма в средневековой Европе Жану Кальвину, который изрек: *“Я предпочел бы истребить все человеческие науки на Земле, если бы они являлись причиной охлаждения христианского рвения и отвержения от Бога”* (цит. по: Шендерович, 2000). Давайте не будем забывать, что стремление к познанию себя и окружающего мира заложено в нас Создателем *. В биологии есть термин “ориентировочно-исследовательский рефлекс”. Это врожденный рефлекс, он проявляется уже у детенышей животных и маленьких детей, когда ни о какой сознательной деятельности и речи нет. Охраняя природу, не нужно противиться самой природе.

VI

Религия и наука могут вполне ужиться друг с другом (что, собственно, и происходит, попытки какой-либо из них вытеснить другую так ничем и не увенчались) при условии разумного компромисса — если ни одна из сторон не будет претендовать на обладание истиной в последней инстанции. Знание, т. е. разум, и вера могут дополнять друг друга **. Разум без веры способен превратиться в разрушительное начало, но и вера без разума может быть не менее

разрушительной. Нет ничего хуже слепого религиозного фанатизма, когда человек, минуту назад рассуждавший о благочестии, добре, справедливости, вдруг теряет все человеческое и превращается в злобное и беспощадное существо только потому, что встречает другого человека, имеющего иной взгляд на его святых. Сколько кровопролитных войн произошло лишь из-за того, что люди по-разному представляли себе Бога, или молились тому же Богу, но другими словами!

Здесь уместна одна цитата. *“Вера и разум — это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины, ибо Сам Бог вложил в умы людей стремление к познанию истины, а также к познанию Его Самого, чтобы люди, познавая и любя Его, смогли найти полноту истины о себе самих. <...> Истина, которую Бог явил нам в Иисусе Христе, не противоречит истинам, которые можно постичь в результате философских размышлений. Напротив, эти два способа познания ведут к полноте истины”*. Это — Иоанн Павел II, энциклика “Fides et ratio” — “Вера и разум” (цит. по: Гинзбург, 2000).

Что касается веры, то у каждого может быть свой путь к Богу. Один из них — познание законов природы для сохранения всего созданного Им.

Литература

- Борейко В.Е. (1999): Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 38-39.
- Борейко В.Е. (2000): Постигание экологической теологии. Киев. 1-87.
- Гинзбург В. (2000): Религия и наука. Разум и вера. - Наука и жизнь. 7: 22-29.
- Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
- Ефремов И. (1976): Таис Афинская. М.: Молодая гвардия. 1-512.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.

* См. примечание на стр. 19.

** Религия и наука, разум и вера противоположны в своих подходах, но, как известно из диалектики Гегеля, единство и борьба противоположностей как раз и являются источником развития.

- Заянчковский И.Ф. (1991): Животные, приметы и предрассудки. М.: Знание. 1-256.
- Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. (1999): Природа и люди России. Основание к пониманию проблемы. М. 1-112.
- Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Николаев Г. (1999): Райские сады на земле — были! Так считают археологи. - Наука и жизнь. 3: 82-86.
- Паклина Н.В., ван Орден К. (2000): Кианги и другие обитатели Тибета. - Природа. 1: 40-49; 2: 35-44.
- Симаков Г.Н. (1998): Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб: Петербургское Востоковедение. 1-320.
- Соколов В.Е. (1986): Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие. М.: Высшая школа. 1-519.
- Уайт Л. (1990): Исторические корни нашего экологического кризиса. - Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс. 188-202.
- Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-480.
- Фрэзер Дж.Дж. (1980): Золотая ветвь. М.: Политиздат. 1-832.
- Шендерович А. (2000): Костры из книг. - Наука и жизнь 9: 20-26.
- Шупер В. (2000): Пружина территориального развития. - Знание — сила. 3: 46-52.
- Brichetti P. (1982): Distribuzione geografica degli uccelli nidificanti in Italia, Corsica e nelle isole Maltesi. - Natura Bresciana. Ann. Mus. Sc. Nat. Brescia. 19: 97-157.
- Schulz H. (1988): Der Weißstorchzug. Königslutter-Lelm. 1-459.
- Stingl M. (1963): Indianer ohne Tomahawks. Leipzig. 1-226.

Экологические воззрения в Библии и современность

О.Д. Пруденко

Православный священник, г. Черкассы

Тяжело в наше время судить о древних и новых факторах, которые нарушили баланс и гармонию природы. Больно смотреть на мир, в котором уже не встретишь многих видов животных и растений, где многие виды — на грани исчезновения. Оскудели или преобразовались до неузнаваемости биоценозы — в масштабе планеты, Европы, Украины. Примером может служить наша степь, где практически не осталось дикого уголка, Лесостепь, в частности Каневские горы, где человек истребил дуб — и теперь граб занял его позиции.

Сейчас можно обвинять в этом христианство (что до сих пор делают некоторые ученые), или религию вообще, можно обвинять науку с ее тотальным подходом к изменению природы, антропоцентризмом, громадными заводами и гидро- или атомными электростан-

циями. Но станет ли лучше от этого на нашей общей планете, на нашем уникальном островке во Вселенной? Думаю, нет! Есть время разбрасывать камни, и оно уже было. Сейчас время их собирать. Именно сейчас, пока не поздно, нужно объединить свои усилия науке и религии (включая креационистов), для спасения того, что осталось, того, что дал нам Господь как временным постояльцам.

И, наверное, горе в том, что с античных веков, а потом — с эпохой Возрождения пути религии и науки разошлись, начали жить самостоятельной, отталкивающей друг друга жизнью. Ведь многие ученые были верующими (Ньютон, Ломоносов и др.), но это никоим образом не тормозило прогресс человечества.

И не вся религия, а лишь отдельные личности жгли костры, в которых